

Наталия ЮРЧЕНКО

ОБРАЗЦЫ РУССКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО КЛАССИЦИЗМА В КИШИНЕВЕ: ЖИЛЫЕ ДОМА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

К позитивным последствиям, наметившимся в экономической, общественно-политической и культурной жизни Бессарабии после вхождения ее в 1812 г. в состав Российской империи, несомненно, следует отнести и преобразования в области архитектурно-градостроительной практики. В первую очередь это связано с организацией самого архитектурного процесса, переводом его на профессиональные «рельсы».

Дело в том, что вплоть до XIX ст. основными постройками на территории нынешней Молдавии были сельские жилые дома, поскольку большую часть ее населения составляли крестьяне. Городские строения этого времени также мало чем отличались от сельских. Из одиннадцати официально зарегистрированных в начале XIX в. городов: Измаила, Аккермана, Хотина, Бендер, Рени, Килии, с 1818 г. – Кишинева, Бельц, а с 1835 г. – Сорок, Оргеева и Кагула¹, лишь два – Бендеры и Кишинев можно было назвать городами, и то достаточно условно.

С присоединением же к России наблюдается существенный поворот в преобразении архитектурного облика большинства крупных населенных пунктов Бессарабии, феодальная форма землевладения которых сменяется государственной. Шаг за шагом они теряют привычный сельский вид, и не только в результате отхода от традиций народного жилища в планировке и внешнем оформлении зданий, но, что более важно, – благодаря изменениям типологии сооружений и принципов решения городского пространства. Именно в этот период происходит постепенное формирование урбанистической среды края: закладываются основы регулярного, планового развития его земель, а сами города начинают приобретать европейские черты, что, бесспорно, имело прогрессивное значение.

Наиболее ярким примером, аккумулировавшим в себе вышеперечисленные тенденции новой градостроительной культуры, развивающейся отныне под влиянием классической и, прежде всего, русской архитектурной школы, может служить Кишинев, провозглашенный в 1818 г. административным центром Бессарабской области. Особый

Дом галерейного типа первой трети XIX в. по б. Азиатскому пер. в «нижней» части Кишинева. Фото начала 1950-х гг. (дом не сохранился)

статус Кишинева как стратегически важного опорного пункта юга Российской империи выдвинул его в число городов, система планировки которых нуждалась в срочном, а главное, качественном переустройстве. Данные мероприятия были вполне обоснованны. Политика урегулирования планов наиболее крупных городов последовательно осуществлялась на протяжении всего XVIII сто-

летия. Но особенно актуальной она стала в последней трети XVIII – начале XIX вв., в связи с увеличением количества средних и мелких городов в центральной части страны, а также с освоением новых южных территорий, в том числе в Бессарабии, отвоеванных в ходе успешных боевых операций у Турции в 1806-1812 гг.

После 1812 г. земли, лежащие между Днестром и Прутом, явились своеобразным плацдармом для закрепления влияния России на Балканском полуострове, поэтому создание здесь административного центра, своим обликом соответствовавшего главенствующему положению в данном регионе и одновременно подчеркивающего принадлежность к Российскому государству, стало для правительства империи задачей первостепенной важности. Вполне закономерно, что прежде всего преобразованию подверглась именно планировка Кишинева.

Старый город не отвечал предъявляемым к нему требованиям. Приютившийся изначально в долине, на самом берегу местами запруженной речки Бык, ограниченный ею с одной стороны, а с другой – современной ул. Колумны; с северо-запада на юго-восток вплотную примыкавший к вотчинам монастыря Галата (Боюканам и Мунчештам), собственностью которого до 1818 г. и являлся, Кишинев как владельческое местечко представлял собой огромную массу сельских полуобвалившихся хижин и домов, обнесенных плетнями и разбросанных так произвольно в узких, кривых и часто глухих улицах, что ни о какой упорядоченности в планировке его не приходилось и говорить.

Город предстояло возвести как бы заново, опираясь на принятые тогда в русском градостроительстве классические регулярные схемы.

Одна из таких схем со строго продуманным расположением главной улицы и соподчиненных ей площадей, с выверенными размерами и определенным количеством кварталов, их четкими геометрическими очертаниями и была предложена Кишиневу. Значение ее трудно переоценить, поскольку внедрение ее в практику позволило в относительно короткие сроки, уже к середине XIX в., выдвинуть Кишинев в ряд крупных городов Российского государства.

Законодательно генеральный план Кишинева, в основу которого легла обозначенная градостроительная структура, был утвержден в 1834 г. Однако планирование по регулярной классической схеме началось задолго до этого, о чем свидетельствует сравнительно недавно ставший известным проектный план 1817 года. В нем можно заметить, как город четко делится на две половины – «нижнюю» старую часть города с запутанной системой средневековых улочек и новую «верхнюю», разбитую на строгие, геометрически правильные кварталы. Здесь впервые намечена главная улица города – Московская (ныне бульвар Стефана Великого), отведено место для строительства нового собора и разбит публичный сад. Важно отметить, что в плане 1817 г. было не только зафиксировано зарождение градостроительных узлов, которые впоследствии составили основу нового Кишинева, но и предусматривалась возможность дальнейшего роста города. В самой верхней его части, с трех сторон от центрального ядра были задуманы геометрические кварталы, уравнивающие общий симметричный строй Кишинева.

Но если планировка «верхней» территории в первые же десятилетия XIX в. стала приобретать неоспоримое градостроительное значение для развития всего Кишинева в целом, то объемно-пространственная структура его находилась еще в стадии становления и по сути представлена была одноэтажной (реже двухэтажной) жилой застройкой, торговыми рядами, складами, казармами и карантинными службами. Возводилось большинство из упомянутых новых для Бессарабии типов сооружений по так называемым «образцам» (типовым фасадам), распространяемым в виде подборки их в альбомах по всем губерниям и областям России². Будучи прямым следствием осуществлявшихся градостроительных преобразований, они сыграли немаловажную роль в формировании облика классического Кишинева.

Подобное строительство по «образцам» явилось острой необходимостью для всего Российского государства. В связи с быстрым ростом его городов в первой трети XIX века, когда объем строительных работ значительно возрос, а архитектурных кадров по стране явно не хватало, вопрос об упорядочении их застройки мог быть решен только с введением проектов регламентированных фасадов. Так, уже в 1813-

1816 гг. на улицах Кишинева возникают одноэтажные, с рустованным цоколем и классическим портиком у входа первые казенные заведения «официальной» архитектуры – острог и госпиталь, о которых в 1816 г. в официальном документе было сказано как о немногих «заслуживающих особенного внимания»³. И вовсе не вина в том первого бессарабского областного архитектора и землемера М. Озмидова, что сии дома не могли украсить собой «азиатски»-пестрый вид Кишинева (о чем так сожалели современники). Сугубо утилитарное назначение этих зданий не требовало репрезентативной «внешности», но в то же время давало возможность при ограниченных строительных средствах с помощью типовых классических элементов придать им облик государственных учреждений.

Одновременно использование типовых фасадов распространилось как на казенное, так и жилое строительство, которое могли себе позволить видные чиновники, купцы и молдавские бояре, занимавшие ответственные посты в городском правлении. Так, начиная с 10-х годов XIX в. появляются первые дома в «официальном» классическом стиле, причем в двух его вариантах – ордерном и так называемом безордерном. Наиболее же интересной разновидностью жилых сооружений следует, пожалуй, признать здания с использованием ордера и особенно одноэтажные дома с галереями по главному фасаду. В первой трети XIX в. они являлись одними из самых многочисленных жилых построек, в которых нашло отражение, быть может, самое оригинальное преломление приемов русской классицистической архитектуры в местных природных условиях, сочетание их с народной строительной практикой.

К сожалению, сейчас таких зданий в Кишиневе не сохранилось, но в архивах нами обнаружены снимки аналогичных сооружений, существовавших в городе еще в 50-е годы прошлого века, а также дореволюционные открытки, на которых запечатлены улицы Измаила, Бельц, Рени и других городов Бессарабии, застроенные домами с классическими портиками и колоннадами. Все это дает возможность предполагать, что, наряду с безордерными классическими постройками, в Кишиневе в 20-30-е годы XIX века возводились жилые дома, в которых удачно сочетались как приемы классицистической архитектуры, так и черты народного общеславянского типа жилища. Главная отличительная черта этих зданий – открытая галерея – свидетельствовала, с одной стороны, о следовании традициям сельского южного дома, (в котором фасад ввиду жаркого климата обычно был оттенен деревянной галереей), а с другой – о влиянии русского усадебного строительства. Привычный для общественных сооружений портик превратился в этих зданиях в галерею, а традиционные молдавские колонки транс-

формировались в несущие колонны. Здания с такими «портиками-галереями», решенные очень лаконично, были вполне оправданы в климатических условиях Бессарабии.

Имея в своей основе мотив молдавского национального жилища, подобные многократно повторяемые дома носили уже городской характер и стилевые черты архитектуры русского классицизма. Планировочная структура этих домов, можно предполагать, решалась традиционно, по принципам построения народного жилища, с которым одноэтажные галерейные дома имели общую объемно-пространственную композицию. В основе плана их – вытянутый прямоугольник, разделенный коридором-сенями (тиндэ) на три части. Сени располагались, как правило, посередине между двумя равными половинами дома. В одном торце такого дома размещалась каса маре – зал для приема гостей к хранения наиболее ценных вещей, в другом – жилая комната (кэмарэ), в которой семья проводила почти все время. Количество помещений позднее в домах зажиточных горожан могло увеличиваться, но при этом неизменным оставалось следование трехчастной планировочной схеме дома (очень редко появлялись четырех- и пятичастные дома), где различные по своему функциональному назначению комнаты, сгруппированные в своеобразные блоки, были четко разграничены между собой.

В том, что планировочная структура галерейных жилых домов была организована именно таким образом, убеждают и примеры усадебного строительства в северных и центральных районах современной Молдавии, которые по сути являются промежуточным звеном между сельским народным домом и городским особняком.

Приверженность к трехкамерному жилому дому сохранялась в городской архитектуре Бессарабии и в дальнейшем, на протяжении всего XIX века, но в основном в домах среднего и низшего сословий.

Что касается ордерной классической системы, все чаще используемой в трактовке фасадов, то за нею постепенно утверждалось положение respectable. Это способствовало тому, что наиболее крупные боярские особняки, а также новые публичные строения в верхнем городе стали возводиться только с применением ордера. Поначалу, в первые десятилетия XIX в., такие жилые здания носили еще переходный характер от самобытного сельского дома к светскому городскому особняку. Выражалось это не только в уже известном нам трехчастном распределении помещений, но и в совмещении на главном фасаде элементов пространственной композиции, свойственных русскому классицизму, с одной стороны, например, портика, и характерных для народного зодчества, с другой, – крыльца с лестницей. Таковы были многие не дошедшие до наших дней двухэтажные жилые дома бояр

пушкинского времени, среди которых хочется отметить особняк Катакази, который находился в «нижней» части города, в районе нынешнего культурно-развлекательного комплекса «Москова» (не сохранился). Типичный по своей объемно-пространственной организации народный жилой дом, он имел уже четырехколонный ампирный портик с треуголь-

Дом галерейного типа первой трети XIX в. по б. ул. Кагульской. Фото начала 1950-х гг. (дом не сохранился)

ным фронтоном (правда, поднятый на традиционный цокольный этаж, используемый под погреб), который придавал зданию представительность и монументальность, отсутствовавшую в безордерных и, подчас, одноэтажных домах галерейного типа. Сам портик был трактован также весьма оригинально: три его колонны покоились на цоколе, а одна крайняя была поставлена отдельно на высокий пьедестал. Объяснялось это прохождением между ними наружной лестницы, ведущей на своеобразную галерею-крыльцо, оформленную снаружи как портик. У подобного боярского дома наблюдался более широкий ареал распространения, нежели у одноэтажного галерейного, характерного преимущественно для Бессарабии.

Наличие аналогичных домов бояр отмечалось в начале XIX в. и в Молдавии, и в Валахии. Жилые помещения в таких зданиях, как правило, находились на втором этаже, вход на который решался крыльцом с лестницей, декорированным под классический портик⁴. Постепенно обязательное крыльцо с лестницей стало уступать место «чистому» портику.

Самым значительным среди частных жилых сооружений первой трети XIX в. в Кишиневе можно считать так называемый второй дом Е.К. Варфоломея. Возведение его в 1820-1829 гг. было предпринято на территории верхнего города по ул. Московской, напротив городского сада. Постройка эта окончательно разорила его владельца. Недостроенной она вскоре перешла в государственную казну, и в ней разместилась канцелярия гражданского губернатора. Дом не сохранился. Лишь по фотографиям можно судить сегодня о его былом величии. Широкая парадная лестница полуколыцом огибала цент-

ральный вход в здание⁵ и являлась стилобатом для восьми внушительных, высотой в два этажа ионических колонн. Завершены они были не менее выразительным в своем изгибе антаблементом. Вместе они образовывали как бы открытую полуротонду, которая пространственно была противопоставлена простому, вытянутому в плане прямоугольнику основного объема. Ордер здесь был независим от внутренней структуры здания, величественен, даже несколько холоден в сравнении со своим аналогом в одноэтажных домах галерейного типа. Там колонны были почти скульптурны, вылеплены, что называется, от руки, что обуславливалось не столько несовершенными методами строительства, сколько невозможностью выразить иначе их тектоническое соответствие с традиционно малой высотой самих сооружений. В доме же Варфоломея ордерный портик или «полуротонда» определяли весь художественный эффект композиции здания. Все это указывает уже не на опосредованное (через народное зодчество) проникновение классицистических приемов в архитектуру Бессарабии, а на более прямое заимствование ордерных форм.

Дом был построен по заказному проекту – нет сомнения, и прообразом ему послужили, скорее всего, русские подмосковные усадьбы эпохи классицизма. Таким образом, несмотря на исключительные обстоятельства строительства (затраты огромных денежных средств, которые мог позволить себе не каждый бессарабский боярин и крупный чиновник), сооружение подобного дома может быть отмечено как факт появления в 20-х годах в Бессарабии еще одного типа городского особняка, отличающегося чертами, присущими непосредственно усадьбам метрополии: монументальностью, парадностью и одновременно изяществом и благородством строгих классических линий.

Со второго дома Варфоломея начинается и отсчет сооружений (и не только жилых), возведенных в Кишиневе профессиональными зодчими. Автор проекта дома Варфоломея неизвестен. В архивных документах нами обнаружено лишь имя архитектора, составившего смету на строительство и руководившего его достройкой⁶. Им был Осип Иванович Гаскет (ок. 1800 г. – после 1845 г.), в 1826 г. получивший должность кишиневского городского архитектора⁷. В 1836 г. он был назначен бессарабским областным архитектором⁸. Ему принадлежит и авторство известного жилого дома купца Гладилина (к сожалению, разрушенного, но еще недавно существовавшего по ул. Александра Доброго)⁹. С этим зданием связано появление третьей разновидности ордерного дома в Кишиневе.

Входя в число построек галерейного типа, этот двухэтажный дом, появившийся в 30-е годы XIX века, имел уже ряд существенных отличий как в художественно-образном, так и функциональном решении

Дом купца Гладиллина, 1831 г. (архитектор О.И. Гаскет) по ул. Харлампиевской (ныне Александру чел Бун). Фото начала 1950-х г. (дом не сохранился)

по сравнению со своими прямыми предшественниками – одноэтажными жилыми домами с приземистыми классическими колоннами по главному фасаду. Если одноэтажные дома «с колоннами» непосредственно продолжали традиции молдавского национального жилища и по своей планировке, и по композиции, и даже по выбору и характеру обработ-

ки строительного материала (известная доля рукотворности присутствовала не только в формовке глиняно-плетневых стен, но и в лепке колонн), то в зданиях, подобных дому Гладиллина, черты классической светской архитектуры, пришедшей из России, были выражены гораздо определеннее и превалировали над региональными.

Эти дома имели более капитальный характер. Кустарные методы производства строительных работ при их возведении, конечно, еще продолжали сохраняться, но теперь на смену драни и глиняным кирпичам пришел камень. Стены выкладывались из бута, то есть грубо колотого камня; несущие колонны первого этажа вытесывались из котельца – блоков местного пиленого песчаника, плотно пригнанных друг к другу; а облегченные колонны второго яруса обшивались досками, заполненными внутри битым камнем, и штукатурились. Что касается функциональной организации таких жилых домов, то она была также принципиально усовершенствована, но не по части планировки самих помещений (которые остались почти без изменений), а по принципу зонирования внутреннего пространства на квартиры хозяев, квартиры, сдаваемые внаем, и помещения, используемые под торговые лавки. Здесь мы впервые сталкиваемся с новым типом жилого дома первой трети XIX в., совмещающим в себе уже различные функции.

Данное обстоятельство не могло, естественно, не найти отражения и в композиционной структуре здания. Так, одна из обязательных со-

ставных частей бессарабского дома – открытая затененная колоннада опоясывала сооружение уже не только с главного, но и с дворового фасадов. При этом вход в комнаты второго этажа с лицевой стороны дома (очевидно, квартиры владельцев) осуществлялся через одну или две лестничные клетки, находящиеся по бокам здания. Вход же в комнаты второго этажа, сдаваемые в аренду, с тыльной стороны дома, был непосредственно с галереи, на которую вели наружные деревянные лестницы. Комнаты первого этажа в этих зданиях обычно использовались под магазины. Позднее, если дом переходил в государственную казну, в них могли размещаться служебные конторы и т.п.

Таким образом, в середине 30-х годов в Кишиневе наряду с парадным особняком знати формируется еще один тип жилого здания, являющийся в основе своей переходной ступенью к будущему доходному дому. Характер обработки фасада и устройство галерей со стороны двора на всех этажах дают право предполагать, что это был один из первых в Бессарабии образцов купеческого доходного дома с квартирами, сдаваемыми внаем вместе с лавками.

Рассмотренные нами типы зданий не только придавали Кишиневу особый колорит, но и во многом обуславливали его архитектурную специфику в первой трети XIX века. Именно в них нашел отражение тот естественный процесс взаимопроникновения элементов молдавского народного зодчества и ордерных мотивов русского классицизма, из которого родился своеобразный дом «с колоннами», ставший в эти годы определяющим в облике большинства городов Бессарабии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В.И. Города Бессарабии 1812-1861 годов. Очерки социально-экономического развития. Кишинев, 1864. С. 4.
2. Собрание фасадов е.и.в. высочайше апробованных для частных строений в городах Российской империи. Ч. 1-4. СПб., 1809-1812.
3. Статистика. Описание Бессарабской области, составленное Павлом Свиныным в 1816 году // Записки одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. С. 252-253.
4. Григоре Ионеску. Архитектура Валахии, Молдавии XVIII – первой половины XIX в. // Всеобщая история архитектуры. Т. 7. М., 1969. С. 297-299.
5. Этот вход, о котором идет речь, находился с тыльной стороны дома. Фасад же, выходящий на центральную Московскую улицу был оформлен проще – портиком со скошенными углами, в чем проявилась, кстати, свобода в обращении с классическим материалом.
6. НАРМ. Ф.2. Оп.1. Д. 1137.
7. Там же. Ф.75. Оп. 1. Д. 934.
8. Там же. Ф.2. Оп.2 Од. 79.
9. Там же. Ф.75. Оп.1. Д.711 Д. 1474.